

О.В. Аксенова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛОКАЛЬНОГО В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ*

В статье рассматриваются изменения в теоретических подходах к исследованию местных сообществ в условиях глобализации, влияние которой на их жизнедеятельность очевидно. Концептуализация локального и глобального анализируется в их взаимосвязи и взаимозависимости. Временные рамки исследования ограничены с одной стороны общепризнанным стартом современной глобализации в конце 1980-х гг., с другой — нашими днями. Объектом анализа является общий дискурс, в котором глобальное и локальное представляет собой противоречивое единство. Показана радикальная трансформация социологических представлений о роли местного сообщества в процессе глобализации, начиная от локальности как основы глобального мира и заканчивая полным отрицанием ее значения, а затем, возвращением как локализации социального неравенства, бедности и конфликтов. Введено понятие «локального бедного». Продемонстрировано противостояние сторонников концепции глобальных потоков, игнорирующих локальность, и ученых-эмпириков, предлагающих рассматривать глобализацию с места.

Ключевые слова: местное сообщество, локальность, глобализация, глобальные потоки, концепция, неолиберализм, бедность.

Местные сообщества были одним из основных объектов социологии с самого начала ее становления как науки. Менялся лишь фокус исследований, перемещаясь от ценностей протестантских общин Вебера к среде городских локальностей Чикагской школы и далее к местной политике, мобилизации ресурсов, прямой демократии и т.п. Сообщества складывались в социум, ограниченный пределами национальных государств, — долгое время это представление о территориальной основе социального мира было априорным, не вызывало сомнений и не требовало доказательств. Но на рубеже XX и XXI веков базовая роль локальности в конструировании общества перестает быть данностью, равно

* Статья подготовлена в рамках проекта «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества», грант РФФИ № 13-06-00314а.

Аксенова Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук (Москва) (illaio@yandex.ru)

Aksenova Olga — Candidate of Science (Sociology), Leading Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow (illaio@yandex.ru)

как и неизбежность его связи с определенной территорией. Причиной столь серьезных, парадигмальных перемен, по мнению социологов, стала глобализация, начавшаяся или ускорившаяся (в зависимости от интерпретации данного феномена) после распада социалистической системы и коллапса СССР.

Отметим, что научная рефлексия в сфере исследования местных сообществ тесно связана с рефлексией, которую можно условно назвать экспертной. Государство, политические партии, бизнес, организации гражданского общества и иные акторы выстраивали собственную стратегию взаимодействий с локальностями и остро нуждались в экспертном анализе, который опирался на труды социологов и одновременно служил для них эмпирическим основанием. В результате сложился общий дискурс, в котором тесно сплелись глобальное и локальное, точнее, они изначально представляли собой противоречивое единство, — менялась со временем скорее интерпретация возникновения и снятия этого противоречия.

Изучение этих изменений, с нашей точки зрения, одинаково актуально для понимания общемировых процессов и для изучения российских локальностей. Наши собственные исследования полностью подтвердили неразрывную связь глобального и локального в российской провинции, где экономические и социокультурные процессы и проблемы, порождаемые глобализацией уже достаточно очевидны.

В данной статье представлены некоторые результаты исследования достаточно узкого спектра указанного дискурса, непосредственно связанного с концептуализацией локальности в условиях глобализации*. Следует иметь в виду, что социальная реальность и рефлексия о ней не имеют четких границ, поэтому основной задачей работы было, во-первых, выявить лишь преобладание той или иной трактовки глобального и локального в течение определенного исторического периода, во-вторых, проследить корреляцию концептуальных перемен с изменениями в реальном мире. Кроме того, исторические периоды определены с большой степенью условности, основываясь на времени возникновения и распространения новых идей и относительного снижения их популярности, что, разумеется, не имеет точной даты. По этой причине мы стремились выявить и продемонстрировать глубину трансформаций и их вектор, поэтому не останавливались на деталях отдельных концепций.

Начало: от локального к глобальному

Период оптимистического взгляда на развитие местных сообществ охватывает приблизительно конец 80-х — середину 90-х годов прошлого столетия. Само существование глобализации стало общепризнанным относительно недавно. Еще в конце 1990-х гг. выделение глобализации в особое, отдельное от

* Выводы, представленные в данной статье, основаны на анализе научных (социологических, политологических, экономических) теоретических и прикладных работ, экспертных заключениях и документах государственных, экономических, политических и гражданских структур различного уровня, опубликованных с конца 1980-х гг.

всех прочих, экономическое и социальное явление вызывало весьма острые споры. А. Гидденс в 1999 г. систематизировал эту дискуссию, разделив оппонентов на скептиков и радикалов. Скептики полагали, что глобализации нет вовсе, поскольку контуры привычного мира почти не изменились, а глобализация свойственна человечеству едва ли не с начала времен. Радикалы, напротив, утверждали, что прежнего мира больше нет, глобализация глубоко трансформирует все его составляющие, стирает границы, а отдельные государства превращает едва ли не в фикцию (Гидденс 2001). Гидденс поддержал точку зрения «радикалов», хотя в конце XX в. глубина трансформаций еще не была столь наглядна, как в наши дни: «Плохо ли это или хорошо, но нас заталкивают в рамки глобального порядка, суть которого пока никто по-настоящему не понимает, но воздействие ощущает на себе каждый» (Гидденс 2001: 23–24).

Действительно, в последнее десятилетие XX в. свойственное капиталу стремление к постоянному росту и расширению приобрело качественно новые свойства, отличающиеся от всех прежних способов его экспансии: традиционного колониализма, международной торговли и даже от появления транснациональных корпораций после Второй мировой войны. Первые годы этих качественных трансформаций, когда они еще не осознавались (точнее осознавались немногими) как глобальные, очень наглядно демонстрируют направление их главного удара по жизнедеятельности сообществ: подрыв ее ресурсной базы.

В конце 80-х начале — 90-х гг. прошлого столетия рушится вся социалистическая система, открывая новые обширные рынки и, самое главное, доступ к дешевой рабочей силе Китая. Труд недавнего китайского крестьянина поставил крест на пророчествах футурологов, ожидавших скорую и полную автоматизацию производства и вытеснение из него человека. Расклад сил на политической арене радикально изменился, резко сократились возможности влияния социальных движений на государство и капитал. Но самое важное, снизились и возможности влияния государства на корпорации, действующие на его территории. Миллиарды рабочих на Востоке и отсутствие в тех краях экологических и прочих ограничений позволяют свести на нет любое давление на компанию путем простого переноса ее предприятий.

В экономике кейнсианство окончательно уступает место неолиберализму, отрицающему любые ограничения деятельности экономических субъектов. Государственное регулирование, позволившее вывести капиталистический мир из глубокой депрессии в начале 1930-х гг. и создать всеобщее благоденствие после войны, было признано вредным и понижающим экономическую эффективность, невидимая рука рынка должна все устроить сама и наилучшим образом. Еще в середине 1980-х гг. Маргарет Тэтчер практически ликвидировала британскую угледобывающую промышленность, обрушив жизнь шахтерских городов и тех, чья жизнедеятельность основывалась на промышленности, связанной с использованием угля. С начала 1990-х перенос промышленности на Восток ускоряется, города остаются без рабочих мест, бюджетных поступлений и прочих ресурсов, обеспечивавших их жизнедеятельность.

В этот период в социологии происходящее еще не было в достаточной мере осознано и концептуализировано. Но именно конец восьмидесятых и первая

половина девяностых характеризуются всплеском всеобщего интереса к местным сообществам. Анализируется местное гражданское общество, его акторы, структура, способы мобилизации ресурсов и т. п., локальность при этом рассматривается в контексте развития социальных движений на национальном и глобальном уровнях (McCarthy, Wolfson 1996; Klandermans 1984; Jenkins 1983). Изучается местная культура, идентичности и социальные связи (Realizing Community... 2002: 173). Популярным становится термин «grassroots», который переводится как «низовой». Это понятие применительно к движениям использовалось и ранее. В 1983 г. М. Кастельс опубликовал книгу «Город и грасрутс: кросскультурная теория городских социальных движений», в которой исследуется активность горожан, меняющая ценности и правила города, а затем общества (Castells 1983). В 1989 г. появляется работа «Информационный город» (Castells 1989), посвященная анализу взаимодействия информационных технологий с социальной и пространственной городской средой. Десятилетие спустя ученый переместит наблюдательную позицию с локального уровня на глобальный. Но в рассматриваемый период именно локальность рассматривалась как исходный пункт любых перемен.

На местный уровень ориентированы и действия самих движений. Американский анархист и социолог Мюррей Букчин создает концепцию муниципального либертарианства. По его мнению, именно местные сообщества обеспечивают прямую демократию, в которой их жители непосредственно принимают решения. Рождение, социализация, да и вся жизнь человека проходит там, где он живет: «Либертарный муниципализм позволяет четко определить понятие социальной сферы и равным образом сферы политической, в соответствии с точным значением термина “социальный”»: арена, на которой мы живем частной жизнью и занимаемся производством» (Bookchin 1992: 6). Местные политика и управление коренным образом отличаются от функционирования государственной машины. Последняя представляет собой бюрократическое образование, включающее в себя профессиональных политиков, законодателей, чиновников, полицию, армию — все, что стоит над человеком. Муниципальная политика осуществляется самими гражданами здесь и сейчас. Муниципалитеты, управляемые гражданами, могут объединиться в аналог конфедеративного государства, и далее, в более широкие союзы (Bookchin 1992: 6).

М. Букчин радикально, а потому наглядно и ярко сформулировал общепризнанный в то время подход к местному сообществу как к ключевому элементу социума. Этот подход разделяли ученые, политики, активисты и менеджеры, разумеется, по-разному его конкретизируя. «Низовая» (grassroots) демократия, в отличие от демократии представительской, является прямой, а потому наиболее точно и эффективно представляет интересы сообщества. Именно эта демократия признается в те времена реальной. Местные сообщества, объединяясь в движения, формируют сети и в перспективе создадут новый, устойчивый и гуманистический глобальный мир. Местные социальные движения расширяются и создают глобальное гражданское общество, разрешение мировых проблем, таким образом, инициируется именно с местного уровня (Ekins 1992).

Необходимость сохранения при этом местной идентичности сомнениям не подвергалась. Глобальный мир представлялся слиянием множества локальностей, каждая из которых вносит в него свои традиции и культуру (Hannerz 1990; Hall 1991). Кроме того, их разнообразие должно было помочь сообществам найти экономическую альтернативу закрытым предприятиям и мобилизовать ресурсы. Разрабатывалось множество программ локального развития, правительственными и неправительственными организациями издавались брошюры и буклеты, содержащие успешный опыт отдельных городов, которым удалось добиться экономической устойчивости посредством организации туризма и возрождения старинных промыслов. Таким же способом распространялся опыт достижения относительной экологической устойчивости, эффективного партнерства гражданского общества с властью и т. п.

Итогом этой бурной деятельности стала принятая в 1992 г. на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро программа «Повестка дня на XXI век», разделом которой была «Местная повестка дня-21». Предполагалось, что глобальные изменения будут достигнуты в результате конкретных действий на локальном уровне. Все местные сообщества должны были разработать к 1996 г. собственные программы на основании ориентиров, обозначенных в документе (подробнее см.: Халий 2011: 70–83). Очевидно, что конкретные действия совершаются на локальном уровне. Именно от местных органов власти, различных организаций и учреждений, от самого населения и отдельных его представителей — интеллигенции, молодежи, активных тружеников, пенсионеров-общественников — будут зависеть достигнутые обществом результаты. Более того, было предложено всем местным сообществам (при ответственности местных органов власти) уже к 1996 г. такие программы иметь.

Отметим, что в начале девяностых национальные государства сильны, а политика неоллиберализма не до конца и не везде сломала институты всеобщего благоденствия. Возможно, именно это объясняет описанный выше оптимизм ученых, политиков и гражданских активистов относительно перспектив локального развития.

От глобального к локальному: глокализация

Популярность идеи адаптации локальности к глобальным изменениям пришла на вторую половину 1990-х и начало нового столетия. В середине 1990-х гг. ряд социологов и активистов общественных движений обнаружили, что события развиваются не так, как ожидалось. Культурное содержание в процессах глобализации отсутствовало, они оказались технократическими по своей сути. По мнению Скотта Лэша, формируется инструменталистская, менеджерская, стандартизирующая парадигма, лишенная человеческого смысла, в основе которой лежит идея глобального управления планетой Земля, а общество и культура редуцируются до бихевиористского «стимул-ответ» (Lash et al. 1996: 4). Так, Евросоюз реагирует на вызов глобального потепления изъятием проблемы из всех социальных или культурных смыслов. Вместо этого она конструируется в терминах новых энергетических технологий и стандартных обще-

европейских мер (таких как энергетический налог). Их различные последствия, обусловленные культурной и социальной неоднородностью Европы, игнорируются, а проблема и субъекты ее разрешения стандартизируются (Ibid: 4–5).

Становится очевидным, что движущие силы глобализации вообще не связаны с локальностью. Местные сообщества, в соответствии с приведенной выше цитатой Гидденса, помимо своей воли втягиваются в новый мировой порядок глобальных сетей и потоков капитала, информации, сырья, товаров, рабочей силы и т. п. В соответствии с новым порядком происходит технологическая унификация всех социальных и культурных составляющих тех сообществ, которым выпала удача оказаться внутри этих потоков.

В этот период в социологии довольно широко используется понятие «глокализация». Сам термин появился в 1980-е гг. в Японии и имел чисто коммерческое происхождение, обозначая на сленге бизнеса маркетинговую адаптацию товаров и услуг к особенностям различных групп потребителей, включая специфику отдельных локальностей. В социологии идея глокализации была связана с включением разнообразия местных экономик и культур в глобальные сети, сохранением и воспроизводством культурного плюрализма (Robertson 1995: 28).

А. Аппадурай полагает, что современная локальность конструируется под воздействием глобального потока, в сложном взаимодействии различных субъектов и процессов: «Три фактора оказывают наиболее существенное влияние на производство локальности в современном мире: национальное государство, миграционные потоки, электронные и виртуальные сообщества, которые сами формулируются переменчивыми, загадочными, иногда противоречивыми способами в зависимости от культурных, классовых и исторических условий, в которых они соединились» (Appadurai 1996: 198). Возникновение гетто, бедность и прочие проблемы местных сообществ в этот период ассоциируются в большей степени с национальным государством, влияние которого, по мнению Аппадурай, в значительной степени негативно. Локальность и для глобального объект воздействия, но в его конструирующем воздействии видится вызов, и, одновременно, импульс к развитию.

Оптимизм теоретиков поначалу вроде бы оправдывается. Субъекты глобализации (корпорации, глобальные финансовые структуры, в первую очередь Мировой Банк, организации глобального гражданского общества и различные фонды) начали включать в свои планы развитие местных сообществ. Осуществление инвестиционных проектов предваряется исследованием социальных и культурных аспектов их жизнедеятельности. Однако очень скоро выяснилось, что лозунг глокализации «глобальное локально, локальное глобально» в реальности имеет несколько иное значение, а именно: глобальное унифицирует жизнедеятельность тех сообществ, которые стали узлами в сети или связаны с обслуживанием потока, игнорируя тех, кто находится в стороне от него.

В начале нового столетия ряд социологов, занимающихся большей частью исследованиями локальностей в странах третьего мира и бывшего социалистического лагеря, начали говорить о том, что глобализация полностью игнорирует местные условия, равным образом их игнорирует и социологическая теория

(Gille 2006; Tsing 2000). По их мнению, анализ в рамках указанных выше проектов осуществляется поверхностно и таким образом, что не позволяет узнать что-либо реально значимое об устройстве сообществ. Например, эксперты Мирового Банка в течение короткого периода провели исследование удаленных регионов Вьетнама. На основе полученных «знаний» Банк делит страну на две зоны, рисоводческую и рыболовную, затем реализует ряд проектов, включая строительство дамб, радикально перекраивающих сельскохозяйственные и экологические границы, разрывающих существующие экономические, социальные и культурные связи, в итоге полностью меняющие местную жизнь*.

Другим, не менее ярким примером взаимодействия глобального и локального является рекультивация экологически загрязненных территорий в бывшей ГДР. Европейские фонды поддержали проект создания технопарка с озерами и зелеными зонами. Местная экологическая неправительственная организация настаивала на возвращении традиционной для данного места среды и на сохранении памятников социалистической индустрии**. Иными словами, субъекты глобализации предлагают стандартный, высокотехнологичный проект, который не устраивает сообщество, ориентированное на сохранение традиции во всем ее разнообразии.

Социологическая теория, по мнению Ж. Жилле, А. Цинг и ряда других исследователей, рассматривает глобализацию с высоты птичьего полета, в котором глобальные потоки подобны течению рек и не имеют субъектов, направляющих их движение, а местные сообщества незаметны и незначимы. Исследователи предложили изменить наблюдательный пункт, переместив его в сообщество. Для этого они внесли концепцию взгляда с места и «проект обустройства места» («place-making project»), в котором именно локальность играет роль субъекта, встраивающего местное сообщество в глобальную сеть, сохраняя традицию, культуру, социальную специфику и всю сложную систему его связей, включая возникающие глобальные. Именно сообщество, а не поток, должно быть основным объектом научного исследования. При этом в проекте необходимо учитывать всю шкалу изменений: от самого глобального потока до места (place), на которое он влияет (Gille, O'Rian 2001). Этот подход в значительной степени должен быть антропологическим, поскольку сообщество рассматривается как субъект традиционной культуры, которую требуется сохранить и включить в культуру глобальную.

Антропологический подход к социологическому исследованию и, равным образом, к экспертной оценке локальности характерен для рассматриваемого периода. Внимание социологов и управленцев к местной жизни в странах третьего мира или на территориях проживания аборигенного населения некоторых развитых стран в конце прошлого — начале нынешнего века достаточно велико, множество традиционных сообществ оказалось в зоне интересов ресурсодобывающих корпораций. По этой причине научные и экспертные исследо-

* Подробно данная ситуация рассматривается в статье Михаэля Голдмана (Goldman 2001).

** Подробно данная ситуация рассматривается в статье Де Сото (De Soto 2000).

вания приобретают этнологический характер, именно в этот период институционализируется этнологическая экспертиза инвестиционных проектов, осуществляющихся на аборигенных территориях, ориентированная именно на сохранение местных обычаев и культуры. В то же время проекты часто оказываются распространением тех самых стандартов, о которых писал С. Лэш, которые внедряются посредством распространения опыта развитых стран, клонирования институтов и управленческих моделей*.

Глобальное вместо локального

Радикальное изменение интерпретации в подходе к исследованию местного сообщества произошло не слишком давно — примерно в конце прошлого десятилетия, хотя складывалось в течение относительно долгого времени. «Взгляд с места» и основанные на нем социологические и экспертные исследования продолжают, но дискуссии о локальном и глобальном занимают периферийное место. Подчеркнем, сторонниками данного подхода являются социологи и антропологи, занимающиеся прикладными исследованиями. Они противостоят, прежде всего, современным теоретикам глобализации, среди которых М. Кастельс, Э. Гидденс, Дж. Урри, У. Бек, С. Сассен. Их труды формируют мейнстрим нынешнего глобализационного дискурса (Гидденс 2001; Castels 1996; Urry 2003; Beck 2000; Sassen 2001).

В конструируемой ими картине мира территория окончательно теряет значение: «Существует растущий междисциплинарный консенсус о том, что глобализация означает конец “социального” в значении территориально ограниченных “обществ”, которые ранее были в центре социологического анализа»

* Например, задачи проекта по институциональному развитию сообществ российских коренных малочисленных народов Севера ИНРИПП 2 сформулированы следующим образом: «**Часть 1** базируется на знакомстве россиян с опытом инуитов Канады в области разработки теми своих институтов и учебных программ, основанных на их собственных языках и традиционных методах обучения. **Часть 2** посвящена совместной работе канадского правительства через его Министерство по делам индейцев и развитию Севера с правительством России над укреплением экономического потенциала отобранных для участия в проекте региональных властей путем использования теми имеющегося уже в этой области канадского практического опыта работы в намеченных пилотных проектах. **Часть 3** связана с подготовкой представителей российских аборигенных и правительственных структур в области практических аспектов совместного управления, а также путем их ознакомления с уже существующими канадскими структурами. Для этого в одном из отобранных специально для данной цели регионов будет осуществлен пилотный проект по совместному управлению». Проекты ИНРИПП 1 и ИНРИПП 2 осуществлялись с 1996 по 2003 г. Циркумплярной конференцией инуитов Канады (ICC — Canada), Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (РАИПОН) совместно с Министерством по делам индейцев и развитию Севера Канады и Государственным Комитетом по делам севера РФ (Госкомсевер). Подробнее см. на сайте: ЦС КМНС/РИТЦ. Центр содействия коренным народам Севера/Учебный центр коренных народов Севера [http://www.csipn.ru/projects/inripp#.UupdbP1_ty4].

(Ray 2005). В том, что подход, согласно которому общества были организованы как территориальные, отделенные друг от друга единицы, уходит в прошлое, убежден У. Бек (Beck 2000). С ним практически солидарен Дж. Урри, по мнению которого существует множество определений общества и социального, но оно более не связано с национальным государством (Уггу 2000).

Локальность теперь лишь абстрактное «место», которого к тому же почти нет: «Классическая социология придерживалась территориального определения общества, которое должно быть заменено понятием транснациональных социальных пространств — новых социальных ландшафтов, которые сочетают места отправки и прибытия (например, для сообществ мигрантов). Мы сейчас живем в мере “полигамии мест” и глобализации биографии, посредством, например, мультикультурных браков и семей. Жизнь человека больше не привязана к конкретному месту, это является еще одной причиной, почему национальный суверенитет подорван, а основанная на категориях государства социология устаревает» (Ray 2005).

Нынешняя локальность есть соединение территориального и глобального в том случае, если она представляет собой узел на пересечении глобальных потоков. В концепции С. Сассен это город, редуцированный до высокотехнологического, информационного и командного центра (Sassen 2005). Локальность остается территорией. Ее материальность не исчезает, ее пространственно-временные параметры не меняются, но стираются социальные характеристики.

Отметим, что первенство в отрицании общества принадлежит Маргарет Тэтчер. На Западе стали знаменитыми ее слова: «Нет такой вещи, как общество». Она произнесла их в 1986 г., объясняя позицию государства, которое отказывалось от ответственности за граждан. Но тогда еще не пришло время говорить об отсутствии всех, традиционных для человека связей. Продолжение цитаты звучит следующим образом: «Есть отдельные индивиды, мужчины, женщины и их семьи» (Eritaph... 1987). Далее она призвала мужчин и женщин самим заботиться о себе и своих соседях. То есть необходимость семьи и наличие у индивидов соседей у британского премьера сомнений не вызывали.

Глобальная экономика нуждается в работнике-глобалисте и космополите, мобильном, не привязанном к месту и не имеющем иных привязанностей. Он не нуждается в друзьях, соседях и даже в семье, более того, все это становится помехой экономической эффективности корпораций и успешности самого работника. Для его воспроизводства уже не требуется культурной среды локальности. Благодаря высоким технологиям он и к собственным органам привязан не слишком крепко: «Представители “белой расы” дышат легкими чернокожих. Белокурый менеджер взирает на мир глазами африканского уличного мальчишки. Католический священник остается в живых благодаря почке, взятой у проститутки из бразильской фавелы. Тела богачей становятся лоскутными одеялами, а бедняки, в свою очередь, превращаются в реальных или потенциальных депозитариев запасных частей. Поштучная продажа органов — их пожизненная страховка. А на другом конце цепочки — биополитический “гражданин мира” — белокожий, стройный или располневший, с почкой индуса или глазом мусульманина. Этот пример прекрасно иллюстрирует то, что

я имею в виду под “глобализацией”: глобальный бедный не просто рядом с нами, глобальный бедный внутри нас. И уже по одной этой причине он больше не является глобальным Другим» (Бек 2002: 60). На самом деле это почти каннибальская метафора У. Бека свидетельствует скорее об исчезновении Другого. Отмеченная С. Лэшем редукция человеческих взаимодействий до «импульс-реакции» здесь доходит до биологического предела. Глаза и почки лишены культурных смыслов, связанных с их бывшими носителями — «индус», «мусульманин» и прочие, т. е. всего того, что на самом деле делает человека Другим.

Для этого глобального индивида нужна глобальная среда, стандартная на всем пути его постоянного движения, одинаково комфортабельная и высокотехнологическая, абстрагированная от уникальности, свойственной месту, компенсирующая ему отсутствие связей*. Кроме того, от него более ничего в этом мире не зависит. Напомним, «Повестка дня-21» предполагала, что устойчивое развитие современной цивилизации будет достигнуто конкретными действиями конкретных людей в местных сообществах. Киотский протокол, подписанный в 1997 г., и климатическая конференция ООН в Копенгагене, состоявшаяся в 2009 г., признали главной экологической проблемой глобальное потепление: «В результате следует признать, что устранение главной экологической угрозы зависит не от того, как будут ограничивать себя люди и национальные экономики в сфере потребления (то есть концепция ограничения отошла на второй план, если вовсе не забыта), сколько от того, как будут в этом направлении действовать современные основные акторы — глобальная экономика и глобальная политика» (Халий 2011: 83).

По мнению Д.В. Иванова, современная социологическая теория в большей степени сфокусирована на процессах виртуализации: «Любая теоретическая модель общественных изменений, чтобы быть адекватной современным тенденциям, должна строиться с использованием понятия виртуальности или его аналогов, акцентирующих симуляционность, нематериальность, символический, игровой характер социальных процессов» (Иванов 2002: 197). Дихотомия локального и глобального теряет объяснительную силу и сменяется дихотомией реального и виртуального. Глобализация представляется как поток символов, бодрияровских симулякров, заменяющих реальные вещи, институты, ценности едва ли не во всех сферах жизнедеятельности общества. Локализация глобального в этой перспективе также виртуальна. Превращение места в транзитный пункт вполне соответствует данному подходу. Стандартизированное жизненное пространство местного сообщества теряет уникальность, хотя оно может быть декорировано культурными симулякрами (например, традиционными предметами быта и украшениями, этнической музыкой, национальной едой и т. п.), иногда не привязанными к нему географически, иногда симулирующими его традиционность. Локальность сама становится своего рода символом места. Все, что находится вне потока и лишь частично включено в процессы виртуализации, по-прежнему вне поля зрения теории.

* Индивид в стандартизированной среде описан в книге: (Бауман 2004).

Возвращение локальности

Глобальный бедный на самом деле остается локальным: он живет в сообществах, оказавшихся за пределами потоков, которые по этой причине просто игнорируются. Бедные мигранты, перемещающиеся из пункта отправления в пункт прибытия, оседают в нем надолго, формируя территориальные диаспоры. Теоретики, зафиксировав важнейшие тенденции развития глобального мира, как и двадцать лет назад, несколько поторопились с выводами. «Франкенштейны» У. Бека, постоянно перемещающиеся в пространстве-времени, существуют, но их число ограничено. Производственные мощности глобального мира и глобальный рабочий класс, несмотря на свободу перемещения, территориально локализованы в Китае, Индии и странах Юго-Восточной Азии. Иммобильно также и большинство бедного населения стран третьего мира. В связи с этим по ассоциации с «глобальным бедным» и «глобальным богатым» У. Бека стоит ввести термин «локальный бедный». Глобальное богатство и локальная бедность как следствие глобализации описаны З. Бауманом (Бауман 2004). В данном случае акцентируется социальный субъект, локальность которого перестает быть видимой в условиях растущих миграционных потоков, установка на мобильность также перестает быть наглядной.

Вопреки ожиданиям, государственные границы до сих пор не исчезли, а местные сообщества окончательно не превратились в абстрактные транзитные и командные пункты. Национальные государства, с одной стороны, осуществляют неолиберальную политику, направленную на обеспечение беспрепятственного и ровного течения глобальных потоков, но с другой — сохраняют прежнюю политическую и управленческую субъектность, т. к. вынуждены поддерживать баланс интересов внутри собственной территориальной целостности и решать множество повседневных задач, связанных с обеспечением жизни и воспроизводства различных сообществ.

Игнорирование «локальности бедного» оборачивается социальными конфликтами, ростом криминала и прочих девиаций. Глобализация к тому же изрядно перемешала первый и третий мир, развивая свою цивилизацию вдоль потоков и располагая ее в узлах. Банкротами становятся такие еще недавно процветающие города, как Детройт. Бедность, социальное неравенство, безработица локализованы в моноэтнических кварталах вполне благополучных столиц глобального мира. Социальное в результате возвращается в почти «стерильный» мир в форме межэтнических столкновений, забастовок, протестов и т. п.

Так, правительство Великобритании предприняло ряд шагов, направленных на сокращение конфликтов в сообществах. Они предусматривали, в частности, внедрение «Контракта допустимого поведения», который должен заключаться между человеком, вовлеченным в антисоциальное поведение, и организацией (одной или более), занимающейся предотвращением такого поведения. В контракте перечисляются поступки, которые он не должен более повторять (Ray 2005).

Для сообществ был предложен ряд инициатив, включающих экономическое обновление, обеспечение безопасности, образование высокого качества и т. п. Гражданское обновление локальности должно обеспечить партнерство

в решении ее проблем. Как и в начале 90-х гг. прошлого столетия, распространяется успешный опыт, но на этот раз — опыт обеспечения сплоченности общества (Hällsten, Szulkin 2009).

По мнению Д. Рэя, таким образом осуществляется попытка восстановления разрушенного глобальной экономикой социального капитала британских местных сообществ. Начинается также поиск третьего пути, после того как социальное государство не смогло обеспечить экономический рост, а неолиберализм разрушил социальные связи.

Множество эмпирических социологических исследований осуществляется в рамках различного рода проектов по поддержке локальностей. В развитых странах они чаще всего посвящены проблемам сосуществования представителей разных культур, поиску перспектив преодоления существующих неравенств (Hällsten, Szulkin 2009). В странах третьего мира главной проблемой остается продолжающееся истощение ресурсов, деградация сообществ (Stoian, Donovan 2010), хотя, как уже говорилось, четкой географической границы между этими проблемами больше не существует.

В программе XVIII Мирового конгресса Международной социологической ассоциации современная ситуация обозначена следующим образом: «Во все более глобализованном и взаимозависимом мире сообщества принуждены к постоянным изменениям. Стратегия их ответной реакции различна. Некоторые из них реструктурируют себя, другие трансформируют себя, третьи сопротивляются переменам, наконец, последние оказываются маргинализированными и не могут позитивно справляться с переменами» (XVIII ISA World Congress 2014).

Заключение

Итог двадцатилетних исследований местного сообщества впечатляет радикальностью перемен. От понимания локальности как основы общества, в том числе и глобального, рефлексия переходит к ее полному отрицанию, к констатации исчезновения местного сообщества, превращению территории в транзитный пункт движения не связанных друг с другом индивидов. Вместе с исчезновением категорий местного сообщества и государства, исчезают и понятия социального, социума и социального субъекта. Перемещающийся между сервисными центрами обслуживания потоков индивид таковым не является. Местные сообщества превращаются в высокотехнологические узлы сетей, поскольку из них изъята их социальная и культурная сущность. Оказавшиеся вне потоков локальности деградируют, они лишены ресурсов, традиции разрушены, а опыт забыт.

Однако практически во всех сменах дискурса отчетливо прослеживаются две основные позиции, осознанные и сформулированные в начале нового столетия: взгляд с места и взгляд с высоты потоков. Позиция наблюдателя в данном случае существенна, она позволяет замечать, фиксировать и интерпретировать очень разные процессы. Локальность как уникальный социокультурный феномен представлена лишь у тех, кто исследует именно сообщество и его реакции на происходящие изменения. С высоты потока сообщество не заметно по вполне объективной причине их почти полной не востребованности. Поток необходимо

лишь то, что обеспечивает его течение, стандартно, унифицированно на всем его протяжении. Сконструированная в глобальном потоке локальность перестает быть социокультурным феноменом, а потому по сути перестает быть локальностью, местным сообществом, каковым оно оставалось еще в теории А. Аппадурай: сформированное историческими практиками и действиями своих субъектов, переплетением множества сложных процессов, включая социализацию и локализацию самого пространства и времени (Appadurai 1996: 180).

Но есть еще одна деталь, на которую обратила внимание Ж. Жилле. Поток сам по себе не может быть субъектом. В концепциях М. Кастельса, У. Бека, С. Сассен и других потоки и сети выглядят едва ли не самозарождающейся сущностью, их движение напоминает круговорот воды в природе. Взгляд с места позволяет обнаружить глобальных субъектов, так как сообщество оказывается под влиянием не абстрактного потока, но вполне конкретных субъектов: корпораций, структур Мирового банка, ассоциаций бизнеса, организаций гражданского общества и т. п.

Последовательность сменяющих друг друга концепций вызывает ассоциации с утраченными иллюзиями и несбывшимися надеждами тех, кто всегда рассматривал и сообщество, и глобализацию «с места». В то же время надежды и иллюзии на самом деле означают достаточно устойчивое сопротивление местных сообществ маргинализации или унификации. Так, идея глокализации представляет собой попытку снятия разворачивающегося противоречия глобального и локального посредством включения локальности в глобальный поток целиком, такой как она есть. Глокализация существует не только в сознании ученых и активистов, сообщества пытались приспособиться к глобальным изменениям, сохранив свою культуру.

Резкий рост социальных конфликтов, неравенства, безработицы можно интерпретировать как специфическую, неосознанную форму сопротивления сообществ их превращению в пункт временного пребывания. С высоты потока, возможно, и эта реакция не слишком заметна, но она возвращает к жизни угасающее национальное государство, а вместе с ним — социальное как категорию и как реальность. Превалирование глобалистских интерпретаций локальности в настоящее время свидетельствует, кроме всего прочего, о многократно превосходящей ресурсной обеспеченности глобального капитала и формируемого им глобального пространства потоков и сетей. В то же время возрождение локальности в государственной политике и в социологии показывает невозможность, по крайней мере, на современном этапе полностью обезличить и физически устранить сообщества.

Следует также отметить, что «взгляд с места» не является в полной мере проработанной концепцией. Специфика сложившейся ситуации заключается и в том, что позиция исследователей-эмпириков практически не представлена в мейнстриме высокой теории. Тем не менее, в настоящее время противостоящие друг другу подходы создают в целом наиболее полную картину сложного и противоречивого соотношения локального и глобального. Кроме того, именно вместе взятые они представляют широкий набор теоретических инструментов для изучения различных аспектов жизнедеятельности местных сообществ.

Литература

- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. Москва: Весь Мир, 2004.
- Бек У. Жизнь в обществе глобального риска — как с этим справиться: космополитический поворот // Вестник института Кеннана в России, 2002, Вып. 12.
- Гидденс А. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2001.
- Иванов Д.В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. СПб.: Издательство С.-Петербур. Университета, 2002.
- Халий И.А. Общество и природа: эволюция новейших теоретических концептов // Социально-естественная история. Вып 34. Природа и общество: общее и особенное. М.: ИАЦ Энергия, 2011, с. 70–83.
- Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1996.
- Beck U. *What is Globalization?* Cambridge: Polity Press, 2000.
- Bookchin M. *Urbanization without Cities: The Rise and Decline of Citizenship*. Montreal: Black Rose Press, 1992.
- Castells M. *The City and Grassroots. A Crosscultural Theory of Urban Social Movement*. L.: Edward Arnold, 1983.
- Castells M. *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process*. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1989.
- Castells M. *The Rise of the Network Society*. L.: Sage Publication Press, 1996.
- De Soto H.G. Contested Landscapes: Reconstructing Environment and Memory in Postsocialist Saxony-Anhalt, in: Berdhal D., Bunzl M., Lampland M. (eds.). *Altering States: Ethnographies of Transition in Eastern Europe and the Former Soviet Union*. Michigan: University of Michigan Press, 2000, p. 96–113.
- Ekins P. *A New World Order: Grassroots Movements for Global Change*. London: Routledge, 1992.
- Epitaph for the eighties? “there is no such thing as society”, Prime minister Margaret Thatcher, talking to Women’s Own magazine, October 31, 1987, *The Sunday Times*. Reprint. [<http://briandeer.com/social/thatcher-society.htm>]
- Gille Z. Detached Flows or Grounded Place-Making Projects?, in: Spaargen G., Mol A.P.J., Buttel H. (eds.) *Governing Environmental Flows: Global Challenge to Social Theory*. Massachusetts Institute of Technology, 2006, pp. 137–156.
- Gille Z., O’Rian S. Global Ethnography, *Annual Review of Sociology*, 2001, 28, pp. 271–295.
- Goldman M. The birth of a discipline: producing authoritative green knowledge. World Bank-style, *Ethnography*, 2001, 2(2), pp. 191–218.
- Hall S. The local and global: globalization and ethnicity, in: King A.D. (ed.). *Culture, Globalization and World-System*. L.: Macmillan, 1991.
- Hällsten M., Szulkin R. *Families, neighborhoods, and the future: The transition to adulthood of children of native and immigrant origin in Sweden*. Stockholm: Department of Sociology, Stockholm University Linnaeus Center for Integration Studies (SULCIS), Stockholm University, 2009.
- Hannerz U. Cosmopolitans and locals in world culture, in: M. Featherstone (ed.). *Global Culture*. L.: Sage, 1990.

Jenkins C. Resource mobilization theory and the study of social movements, *Annual Review of Sociology*, 1983, 9, pp. 527–533.

Klandermans B. Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory, *American Sociological Review*, 1984, 49, pp. 583–600.

Lash S., Szerszynski B., Wynne B. *Risk, Environment and Modernity*. London: Sage (TCS).

McCarthy J.D., Wolfson M. Resource Mobilization by Local Social Movement Organizations: The Role of Agency, Strategy and Structure, *American Sociological Review*, 1996, 61(6), pp. 1070–1088.

Ray L. *Globalization and the future of the 'social'*. School of Social Policy, Sociology and Social Research. Canterbury: University of Kent, 2005. [<http://www.kent.ac.uk/sspsr/research/papers/globsoc.pdf>]

Realizing Community: Concepts, Social Relationships and Sentiments, Amit V. (ed.) L.: Routledge, 2002.

Robertson R. Glocalization: time-space and homogeneity-heterogeneity, in: Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds.) *Global Modernities*. L.: Sage, 1995.

Sassen S. The global city: introducing a concept, *Brown journal of world affairs*, 2005, 11(2), pp. 27–43.

Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: University Press, 2001.

Stoian, D., Donovan, J. *Mainstreaming poverty-environment linkages and climate change-related measures into policy in Latin America and The Caribbean*. Costa Rica: Tropical Agricultural Research and Higher Education Centre; CATIE, solutions for environment and development, 2010.

Tsing A. The Global Situation, *Cultural Anthropology*, 2000, 15(3), pp. 326–360.

Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003.

Urry J. Mobile sociology, *British Journal of Sociology*, 2000, 51(1), pp. 185–203.

XVIII ISA World Congress of Sociology. Facing and unequal world: Challenges for global Sociology, 13-19 July 2014, Research Committee on Community Research, RC03. [<http://www.isa-sociology.org/congress2014/rc/rc.php?n=RC03>]